

Грабёж по контракту

Алексей Кузнецов

Известно: то, что нельзя победить, необходимо попытаться возглавить. Или, по крайней мере, контролировать. В начале Нового времени одолеть пиратство, бурно расцветшее на путях из Старого Света в Новый, было, по-видимому, нельзя, и великие морские державы принялись направлять его в нужное русло.

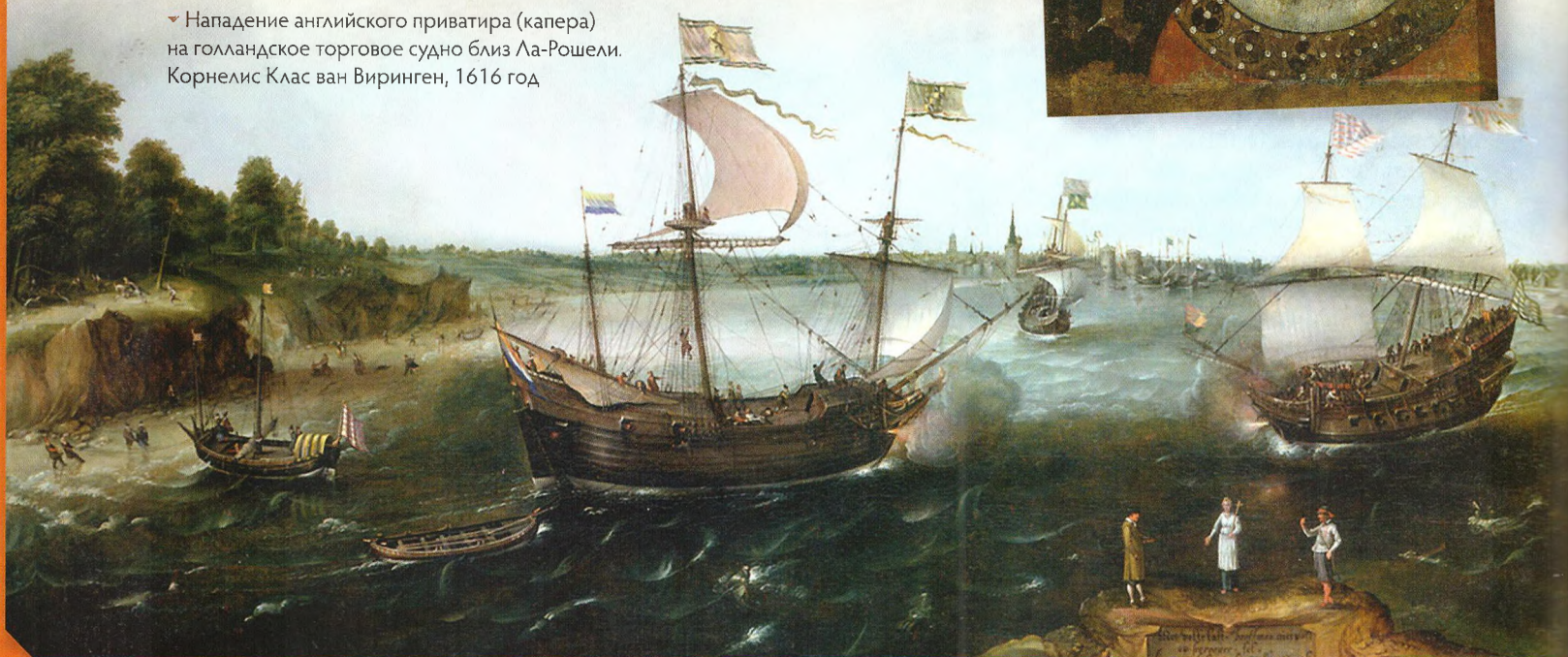
Полезное занятие

Изобретателем каперства в Европе принято считать короля Арагона и графа Барселоны Альфонсо III. Правители северо-восточной Испании много и со вкусом воевали на море, ставя перед собой цель контролировать Сицилию и Балеарские острова. Царствовавший в последней четверти XIII столетия Альфонсо «сертифицировал и лицензировал» капитанов «приписанных» к его портам

► Альфонсо III Арагонский.
Хауме Матеу, 1427 год

кораблей, выдавая им патенты, разрешавшие захват «плавсредств» противника в период военных действий. Важнейшим условием было обязательно приводить их в свои порты (то есть делиться добычей под видом «установленных налогов и сборов») и строго-настроено воздерживаться от грабежа союзников и «нейтралов».

▼ Нападение английского приватира (капера) на голландское торговое судно близ Ла-Рошели.
Корнелис Клас ван Виринген, 1616 год

▲ Сдача в плен Педро де Вальдеса (адмирала эскадры «Андалусия» Непобедимой армады) Фрэнсису Дрейку. Джон Сеймур Лукас, 1889 год

▲ Разгром испанской армады 8 августа 1588 года. Филипп Якоб де Лютербург, 1796 год

В XVI веке главным объектом каперства становятся испанские галеоны, везущие золото и серебро из Нового Света (португальцы открыли золотые месторождения в Бразилии позднее, на рубеже XVII и XVIII столетий). Впрочем, такими призами, как табак, какао, сахар и красители (индиго и кошениль) «лицензированные пираты» тоже не брезговали. Первый запоминающийся удар нанёс в 1522 году француз Жан Флери. Неподалёку от Азорских островов он силами небольшой эскадры напал на караван из трёх судов, нагруженных сокровищами короля ацтеков Монтесумы, — дар Кортеса испанскому королю — и захватил два из них. Добычей везучего капера стали 300 килограммов жемчуга, 230 килограммов золота, сундуки с драгоценными камнями и слитки серебра. К богатствам материальным прилагались сокровища духовные: в руки Флери попал отчёт Кортеса о покорении Мексики. У француза немедленно нашлись подражатели, и вскоре испанцы вынуждены были

обзавестись специальным «Флотом Индий» (он же «Золотой флот», он же «Серебряный флот») и начать сопровождение грузённых богатствами Нового Света судов конвоями. И всё же — «не грабежом единым...»

Сэр Фрэнсис, пират и джентльмен

«Пират Её Величества» Фрэнсис Дрейк, один из самых знаменитых корсаров XVI века, сегодня памятен не захватом испанского галеона, прозванного «Какафуэго» («поджигатель»; «христианское» название «Нуэстра сеньора

Добычей стали сотни килограммов жемчуга и золота

де ла Консепсьон»), с огромным грузом золота и серебра. Этот блестящий по наглости и исполнению абордаж сделал его богатым, но настоящую славу принесло второе в истории кругосветное плавание, в ходе которого имели место открытие пролива Дрейка между Южной Америкой и неизвестной ещё тогда Антарктидой и провозглашение суверенитета британской короны над Северной Калифорнией, названной им Новым Альбионом (не удержали, но это уже не к Дрейку). Ну и, конечно же, деятельное участие в разгроме Великой

армады в Гравелинском сражении. Кстати, судя по всему, именно атака сэра Фрэнсиса (рыцарское достоинство и герб с девизом «Великое из малого» он получил из рук королевы в 1581 году, для чего его команде пришлось терпеть присутствие женщины на борту) на главный испанский порт Кадис и спровоцировала короля Филиппа II на то, чтобы отправить гигантский флот на захват Британских островов.

Капер, заметим в скобках, вообще очень удобный инструмент проведения в жизнь «государственной внешней политики». Если его предприятие «выгорело» — честь ему и хвала, если же что-то пошло не так либо обстоятельства резко переменились, — «родина от тебя откажется, сынок!»

На просторах Карибского моря

Активное освоение бассейна Карибского моря на рубеже XVI и XVII веков привело к тому, что у каперов,

Фауст: *Что там белеет? говори.*

Мефистофель:

Корабль испанский трёхмачтовый,

Пристать в Голландию готовый:

На нём мерзавцев сотни три,

Две обезьяны, бочки злата,

Да груз богатый шоколата,

Да модная болезнь: она

Недавно вам подарена.

Фауст: *Всё утопить.*

Александр Пушкин, «Фауст»

► Сундук с сокровищами. Экспозиция морского музея в Севилье, Испания. Фото 2015 года

Пути испанского флота и базы пиратов

обязанных время от времени являться в родной порт и делиться «призами», не могли не появиться конкуренты, не желавшие связывать себя обременительными отношениями с каким-либо конкретным отечеством. Легенда гласит, что инициатива принадлежала вольнолюбивым европейцам разных подданств

Франсуа Левассёр объявил Тортугу «вольным островом»

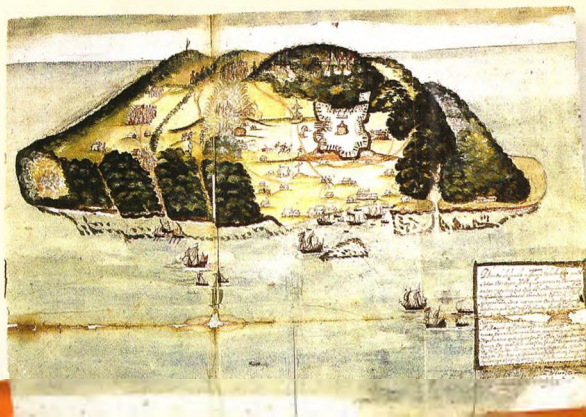
(преобладали французы, голландцы и англичане), большинство которых в своё время дезертировало из своих экипажей и гарнизонов и питалось за счёт охоты и иных промыслов на Карибских островах. Французское название рамы для копчения мяса — *boisane* — породило местное слово «буканьер», перешедшее (вместе с немалым числом его первоначальных носителей) к охотникам другого рода — искателям морской добычи.

Испанцы пытались выдать эту беспокойную публику с наиболее важных островов вроде Кубы, Эспаньолы (Гаити) и Ямайки, но добились довольно неожиданного и, главное, нежелательного результата.

Жаны и Джоны, «родства не помнящие», переселились на небольшой островок неподалёку от северо-западной оконечности Гаити. Назывался он Тортуга. Защищённый с севера естественным образом горами и имеющий на юге удобную гавань, он идеально подходил на роль занозы в... да где угодно!

Последовавшие несколько десятилетий отмечены спорадическими попытками испанцев (у которых и других забот хватало) ликвидировать пиратскую базу, что парадоксальным образом приводило к её дальнейшему укреплению. Этому немало способствовало то, что «злейшие друзья» испанцев англичане и французы, почувствовав выгоду новых «предлагаемых обстоятельств», напустили

▼ Остров Тортуга.
 Рисунок XVII века

по этому поводу не первое десятилетие периодически случались «обострения»), провозгласил Тортугу «вольным островом».

Беспокойное хозяйство

Как быстро выяснилось, Левассёр смыслил не только в фортификации; экономические схемы он тоже умел выстраивать. Выдавая от своего (да-да!) имени каперские патенты, он, как и «зачинатель» Альфонсо III, добивался «доставки приза на базу», где часть шла в общак в интересах пиратской общины в целом; стоит ли упоминать, что поддержание своего благополучия губернатор считал одним из «общественных интересов»?

К моменту гибели Левассёра (губернатор настолько не отделял себя от народа и жил его жизнью, что лично участвовал в пьяных драках) остров представлял собой сложившуюся пиратскую колонию, где сбыв

краденого и вербовка команды, а также ремонт кораблей и закупка всего необходимого для «морских вояжей» — от солины до пороха — были на должной высоте. Утвердившийся в качестве нового губернатора острова Бертран д'Ожерон (французы предпочли сделать

на себя дежурный вид «своих-не-бросаем» и взяли Тортугу под свою опеку. Именно присланный на должность французского губернатора опытный военный инженер Франсуа Левассёр построил на острове первоклассную по тем местам крепость, а затем, оглядевшись и взвесив за и против (он был гугенот, а на родине

вид, что ничего не произошло и Тортуга никогда не переставала быть французской) продолжил дело своего предшественника, но заглянул дальше, озаботившись «укоренением населения», которое в силу специфики профессии и негативного отношения большинства пиратов к женщинам прирастало почти исключительно иммиграцией. Д'Ожерон организовал транспортировку женщин из Франции, чтобы поощрить создание семей на острове. Это сработало, но уже не на Тортуге — там колония в 1694-м была ликвидирована, а обитатели в массе своей переселились на Гаити.

«Служили два товарища...»

Среди имён, часто упоминаемых в связи с «тортугским» периодом в истории карибского пиратства, заметно выделяются Франсуа л'Оллонэ и Генри Морган; неслучайно некоторые события биографии популярнейшего литературного героя капитана Питера Блада (но ни в коем случае не черты его в высшей степени благородного характера!) пересекаются с таковыми этих его вполне реальных современников, а их имена не раз звучат на страницах книги Рафаэля Сабатини.

Француз из Пуатье и валлиец из Уэльса, практически ровесники (л'Оллонэ на несколько лет старше), оба отважные и дьявольски жестокие, обладающие выдающимися командирскими качествами и, что очень важно среди «джентльменов удачи», «фартом», то есть везением, они

▼ Разгром испанского флота Генри Морганом в лагуне Маракайбо. Гравюра 1678 года

«С 1664 по 1675 год он заложил основы гражданского и религиозного общества среди флибустьеров и буканьеров островов Тортуга и Сан-Доминго. Тем самым неисповедимыми путями Провидения он подготовил рождение Республики Гаити».

Фрагмент надписи на надгробной плите Д'Ожерона в Париже

при жизни стали легендами пиратского сообщества. В тавернах Тортуги и кубриках пиратских кораблей взахлёб обсуждали успешную атаку небольшой эскадры л'Оллонэ на важную испанскую колонию Маракайбо (нынешняя Венесуэла). Форт, вооружённый шестнадцатью орудиями крупного калибра, и 800 солдат гарнизона — для того, чтобы штурмовать силами иррегулярного воинства с незначительным численным превосходством столь серьёзную по масштабам тех краёв цель, нужны были, помимо дерзости, ещё и определённые тактические таланты. Они у француза были; свидетельством тому то, что только чеканного серебра захватили на 80 тысяч пиастров.

Трудно сказать, взревновал ли Морган к славе л'Оллонэ или просто, чертыхнувшись, сказал себе: «А это мысль!», но три года спустя он решил «догнать и перегнать» удачливого «коллегу». Однако испанцы извлекли уроки из предыдущего визита и, будучи предупреждены перебежчиком, не стали надеяться на форт и его орудия, но заблаговременно попрятались в окрестных лесах, унеся с собой

ценности. Это не помогло, пираты не купились и довольно быстро путём прочёсывания местности повили большую часть беглецов. Пытки, которым подверглись несчастные, наводили на мысль, что о своих душах люди Моргана тоже не очень заботились. И вот тут по эти души явился отряд испанских кораблей, значительно превосходивший их в мощи, и блокировал выход в море. Морган и его люди оказались в ловушке, но они выбрались благодаря нескольким отвлекающим манёврам, а также всё тем же дерзости и отваге.

Причудливые извивы судьбы занесли Моргана в кресло вице-губернатора Ямайки, к немалому удивлению тамошних флибустьеров. Правда, на этом посту бывший лихой корсар стал издавать указы, направленные на борьбу с морским разбоем.

Л'Оллонэ начали готовить к несомненно причитающемуся ему аду ещё при жизни: на территории нынешнего Никарагуа он потерпел неудачу, попал в руки к местным жителям и был ими изобретательно убит, а потом, согласно сведениям известного историографа карибского пиратства врача Александра Эксквемелина, даже употреблён в пищу.

В XVIII веке каперство в водах Карибского моря понемногу пошло на убыль: теперь воевали не столько с самой Испанией, сколько «за испанское наследство». А пиратство никогда не делось, просто стало принимать иные «организационно-правовые формы». ▼

▼ Генри Морган. Портрет из книги «Пираты Америки» Александра Эксквемелина, 1678 год

◀ Франсуа л'Оллонэ. Портрет из книги «Пираты Америки» Александра Эксквемелина, 1678 год